

здесь говорил вовсе не энтузиазм, а скорее страх¹.

Собрание намеревалось ввиду этого просить короля, чтобы он принял против бунтовщиков суровые меры. Об этом уже поднимался вопрос накануне, 3 августа. Но за несколько дней до того небольшая группа дворян из наиболее передовых и дальновидных - виконт де Ноай, герцог д'Эгийон, герцог Ларошфуко, Александр Ламет и еще некоторые другие начали втайне сговариваться между собой о том, какое положение занять по отношению к крестьянскому восстанию. Они поняли, что единственное средство спасти феодальные права - это пожертвовать некоторыми «почетными», но малоценными правами и предложить крестьянам *выкуп* тех феодальных повинностей, которые были связаны с землей и имели действительную ценность. Герцогу д'Эгийону было поручено развить эту мысль, что и было исполнено им и виконтом де Ноаем.

Сельское население требовало отмены феодальных прав с самого начала революции². Теперь же, говорили эти два уполномоченных либерального дворянства, крестьянство, недовольное тем, что в течение трех месяцев для него еще ничего не сделано, начало восставать, и теперь оно уже не знает удержа; так что в настоящее время приходится выбирать «между разрушением общества и некоторыми уступками». Уступки эти виконт де Ноай формулировал так: равенство всех по отношению к налогам, которые должны быть распределяемы пропорционально доходу каждого; все обязаны нести общественные тягости; затем «выкуп всех феодальных прав общинами» на основании среднего годового дохода и, наконец, «отмена без выкупа барщины, права мертвой руки и других форм личной (крепостной) зависимости»³.

Нужно, впрочем, сказать, что все повинности последнего рода крестьяне уже за некоторое время до того перестали платить; об этом ясно свидетельствуют доклады интендантов (губернаторов). После же июльского восстания стало ясно, что их вовсе платить не будут и впредь, откажутся ли от них помещики или нет.

Но и эти уступки, предложенные виконтом де Ноаем, подверглись урезанию как со стороны дворян, так и со стороны буржуа, из которых многие владели землями и феодальными правами, связанными с землевладением. Выступивший после Ноая герцог д'Эгийон, уполномоченный от тех либеральных дворян, о которых сказано выше, выразил в своей речи некоторую симпатию к крестьянам. Он даже извинял их бунты, но прибавил: «Варварские остатки феодальных законов, существующие еще во Франции, представляют собой, нужно в этом сознаться, известную *собственность*, а всякая *собственность священна. Справедливость запрещает требовать от собственника отказа от своей собственности без соответственного вознаграждения*». Вот почему герцог д'Эгийон смягчил фразу Ноая относительно налогов, сказав, что все граждане должны нести их «пропорционально тому, что они могут платить». Что же касается феодальных прав, то он требовал, чтобы все они, личные и неличные, были *выкуплены* вассалами, «если они этого пожелают»; причем уплата должна производиться «au denier 30», т. е. уплачиваемая сумма должна быть равна годовому платежу, увеличенному в 30 раз. Выкуп делался, таким образом, на деле невозможным, так как выкуп земельной ренты считается тяжелым даже при условии платежа «au denier 25»; обыкновенно же при продаже земель берут 20 или даже только 17 раз годовую ренту.

Тем не менее эти речи Ноая и Эгийона вызвали восторг третьего сословия и перешли в историю

¹ «Опустошение земель» означает, вероятно, что в некоторых местах крестьяне, по словам докладов, снимали помещичий хлеб «еще зеленый» (dans le vert). Это было, впрочем, в конце июля, хлеб уже почти созрел, и народ, которому нечего было есть, косил его у помещиков.

² «Проявление восторга и наплыв великодушных чувств, которые с каждым часом все сильнее и живее обнаруживались в Собрании, не дали возможности выработать меры благоразумия, которые необходимы были для осуществления этих спасительных проектов, уже ранее, изложенных во стольких мемуарах, во стольких трогательно выраженных мнениях и громких требованиях провинциальных собраний, собраний волостных (balliages) и других учреждений, где могли собираться граждане за последние полтора года». Так гласит официальная газета «Moniteur».

³ «Все феодальные права смогут быть выкуплены общинами за деньги или посредством обмена», — говорил виконт де Ноай. «Все без различия будут нести все общественные тягости, платить все государственные платежи», — говорил д'Эгийон. «Я предлагаю, чтобы духовные имущества были выкуплены, — говорил Лафар, епископ города Наиси, — и чтобы выкуп шел не в пользу духовного владельца, а на употребление, полезное для бедных». Епископ Шартрский требовал отмены права охоты и заявил, что сам он отказывается от этого права. Дворяне и духовные встают тогда, чтобы последовать его примеру. Де Ришье требует не только отмены помещичьего суда, но и введения дарового правосудия. Некоторые священники просят разрешения отказаться от плат за требы, но хотят, чтобы платимая им крестьянами десятина была заменена денежным государственным налогом.